

Корреспондент — эпизод 5 из 7

Иду я однажды мимо собора, вдруг как свистнет меня кто-то сзади по спине да по затылку палкой, знаете ли; раз свистнет, да в другой раз, да и в третий...

ТЬфу ты, пропасть, что за комиссия? Оглядываюсь, а это отец Панкратий, духовник мой... Публично!! За что? За какую вину? И это перенес я со смирением... Много терпел я, друзья мои!

Стоявший возле именитый купец Грыжев усмехнулся и похлопал по плечу Ивана Никитича.

Пиши, сказал он, пиши! Почему не писать, коли можешь? А в какую газету писать станешь?

В Голос, Иван Петрович!

Прочешь дашь?

Хе-хе-хе... Всенепременно-с.

Увидим, каких делов ты мастер. Ну, а что же ты писать станешь?

А вот если Иван Степанович что-нибудь на прогимназию пожертвуют, то и про них напишу!

Иван Степанович, бритый и совсем не длиннополоый купец, усмехнулся и покраснел.

Что ж, напиши! сказал он. Я пожертвую. Отчего не пожертвовать? Тысячу рублей могу...

Нуте?

Могу.

Да нет?

Ну вот еще... Разумеется, могу.

Вы не шутите?.. Иван Степанович!

Могу... Только вот что... Ммм... А если я пожертвую, да ты не напишешь?

Как это можно-с? Слово твердо, Иван Степаныч...

Оно-то так... Гм... Ну, а когда же ты напишешь?

Очень скоро-с, даже очень скоро-с... Вы не шутите, Иван Степаныч?

Зачем шутить? Ведь за шутки ты мне денег не заплатишь? Гм... Ну, а если ты не напишешь?

Напишу-с, Иван Степаныч! Побей меня бог, напишу-с!

Иван Степанович наморщил свой большой лоснящийся лоб и начал думать.

Иван Никитич засеменил ножками, заикал и впился своими сияющими глазками в Ивана Степановича.

Вот что, Никита... Никитич... Иван, что ля? Вот что... Я дам... дам две тысячи серебра, и потом, может быть, еще что-нибудь... этакое. Только с таким

условием, братец ты мой, чтоб ты взаправду написал...

Да ей-богу же напишу! запищал Иван Никитич.

Ты напиши, да прежде чем посылать в газету дашь мне прочитать, а тогда я и две тысячи выложу, ежели хорошо будет написано...

Слушаю-с... Эк... эк-гем... Слушаю и понимаю, благородный и великодушный человек! Иван Степанович! Будьте столь достолюбезны и снисходительны, не оставьте ваше обещание без последствий, да не будет оно одним только звуком! Иван Степанович! Благодетель! Господа почтенные! Пьяный я человек, но постигаю умом своим! Гуманнейший филантроп! Кланяюсь вам! Потщитесь! Послужите образованию народному, излейте от щедрот своих... Ох, господи!

Ладно, ладно... Увидишь там...

Иван Никитич вцепился в полу Ивана Степановича.

Великодушнейший! завизжал он. Присоедините длань свою к дланям великих... Подлейте масла в светильник, вселенную озаряющий! Позвольте выпить за ваше здоровье. Выпью, милостивый, выпью! Да здравств...

Иван Никитич закашлялся и выпил рюмку водки. Иван Степанович посмотрел на окружающих, мигнул глазами на Ивана Никитича и вышел из гостиной в залу. Иван Никитич постоял, немного подумал, погладил себя по лысине и чинно прошел, между танцующими, в гостиную.

Оставайтесь здоровы, обратился он к хозяину, расшаркиваясь. Спасибо за ласки, Егор Никифорович! Век не забуду!

Прощай, братец! Заходи и вдругорядь. В магазин заходи, коли время: с молодцами чайку попьешь. На женины именины приходи, коли желаешь, речь скажешь. Ну, прощай, дружок!

Иван Никитич с чувством пожал протянутую руку, низко поклонился гостям и засеменял в прихожую, где, среди множества шуб и шинелей, терялась и его маленькая поношенная шинелька.

На чаек бы с вашего благородия! предложил ему любезно лакей, отыскивая его шинель.

Голубчик ты мой! Мне и самому-то впору на чаек просить, а не токмо что давать...

Вот она, ваша шинель! Это она, ваше полублагородие? Хоть муку сей! В этой самой шинели не по гостям ходить, а в свинюшнике препровождение иметь. Сконфузившись и надевши шинель, Иван Никитич подсучил брюки, вышел из дома тго богача и туза, Егора Лва, и направился, шлепая по грязи, к своей квартире.

Квартировал он на самой главной улице, во флигеле, за который платил шестьдесят рублей в год наследникам какой-то купчихи. Флигель стоял в углу огромнейшего, поросшего репейником, двора и выглядывал из-за деревьев так

смиренно, как мог выглядывать... один только Иван Никитич. Он запер на щеколду ворота и, старательно обходя репейник, направился к своему серому флигелю. Откуда-то заворчала и лениво гавкнула на него собака. Стамеска, Стамеска, это я... свой! пробормотал он. Дверь во флигеле была не заперта. Вычистивши щеточкой сапоги, Иван Никитич отворил дверь и вступил в свое логовище.